

Ярослав Астахов

Движущаяся скульптура

Научно-фантастические рассказы

Ярослав Астахов

Движущаяся скульптура

«Автор»

Астахов Я.

Движущаяся скульптура / Я. Астахов — «Автор», — (Научно-фантастические рассказы)

«В каждой шутке, как шутят, есть доля шутки»... Где пролегает грань между забавным розыгрышем и злым, действительно пугающим трюком, который может стать причиной чьей-то травмы или даже смерти. Случайно, конечно. Но может быть еще и... неслучайно. А вполне продуманно и расчетливо. Идея убийства в искусстве. Смелый авангард. Скульптура, воплощающая Смерть. Симфония лезвий. А искусство, как орудие циничного убийства. Безданного... Только, вот, есть поговорка: как аукнется, так и откликнется. И «художник», поставивший убийство на коммерческую основу, рискует сам встретиться со своим произведением...

© Астахов Я.

© Автор

Ярослав Астахов

Движущаяся скульптура

Никто из них не подал другому руки.

Хотя бакалавр пожал бы руку барону, протяни тот ее. (Ибо ведь *клиент всегда прав*, не так ли? А именно в качестве клиента воспринимал Зарецкий сейчас фон Гольдбаха.)

А вот барон бы «не заметил» протянутую руку бакалавра, уж это точно. Как он не «не замечал» еще многого в этой жизни. А большего еще, впрочем, *просто* не замечал.

В комнате на стене, около которой стояли встретившиеся, пестрел плакат. И было посреди него слово, написанное много более крупно, чем прочие: **ПОДСОЗНАНИЕ**.

Так именно – всегда прописными буквами – начертывалось в проспектах имя произведения, созданного «гением Зарецкого». Мэтра, «работающего в жанре *движущейся скульптуры*». А кроме этого еще бакалавра права.

Кому-то может быть показалось бы странным подобное сочетание: скульптор и бакалавр... Но только не самому мэтру. Который, кстати, приватно именовал свое детище **МЯСО-РУБКА**.

Плакат, конечно же, не показывал рекламируемый объект. А лишь размытые контуры. Поверх теснились косые, яркие, перекрывающиеся кое-где строки.

!это опасно!

двое, оставшиеся наедине с ПОДСОЗНАНИЕМ, умерли

слабонервным вход...

АВАНГАРД

симфония лезвий

– «Авангард» – презрительно поморщился барон, рассматривая плакат. – Отказываюсь понимать смысл этого слова применительно к искусству. У *армии* бывают авангард, арьергард... А *это*, – палец в старинном перстне брезгливо покачнулся к плакату, – это, с позволения сказать, авангард... *чего?*

– Вы это поймете, когда подтянутся основные силы, – немедленно отразил широкую улыбку барона своей опасной кривой улыбкой Зарецкий. – Да вы присаживайтесь!

– Итак, условия спора, – через какое-то время вкрадчиво говорил бакалавр. – Вы полчаса остаетесь в закрытой комнате наедине с **ПОДСОЗНАНИЕМ**. И, если не умрете от страха (барон опять улыбнулся), как это произошло уже с двумя вашими предшественниками, а также если вы не сбежите до истечения оговоренного срока – вы выиграли. И я немедленно уплачиваю вам

сумму, которая установлена договором. Но если вы, милостивый государь, все-таки умрете... или поспешите покинуть комнату... спор наш, будет считаться, выигран мной. И драгоценная семейная реликвия вашей фамилии перейдет в мою собственность.

– Кстати, – Зарецкий деликатно кашлянул, при этом совершив действие, напоминающее то ли полупоклон, то ли незавершенное приседание. – Если не будет возражений с вашей стороны, было бы желательно, чтобы вы уже теперь сняли перстень. Ибо не легко, смею вас уверить, освободить ювелирное украшение с пальца трупа – затекшего, окосневшего...

– Похоже, это занятие вам хорошо знакомо, – усмехнулся фон Гольдбах. – Но в данном случае беспокойство излишне. Вам не достанется этот камень, поверьте. Вы просто раньше имели дело со слаонервными. Так что озаботились бы вы лучше выписать заблаговременно чек. А то ведь как бы вас, бакалавр, не хватил удар, когда пари разрешится совсем иначе, чем вы рассчитывали!

Последние слова барона оказались пророческими. По крайней мере, *наполовину*. Жаль только, ему не суждено было дожить до того мгновения, в какое они исполнились.

– Кажется, вы поляк? – полюбопытствовал неизвестно почему вдруг фон Гольдбах.

– М-м... Я родился в Трансильвании, – отвечал Зарецкий. – Земля великого Дракулы... Старые традиции... Впрочем, теперь это все смешно! Передовые технологии вторгаются во все области. Сейчас у людей практичных иные методы.

И бакалавр рассмеялся. При этом он затрясся на своем мягком кресле и складки жира заволновались под подбородком.

Смех, надо сказать, у Зарецкого был особенный. Растягивались до ушей губы, не размыкаясь. И будто бы во внутренностях этого одутловатого тельца включался какой-то встроенный вибростенд.

Смех призван был оттенить, что сказанное бакалавром есть шутка. (А в каждой шутке, как шутят, есть *доля* шутки.)

Однако собеседник смотрел серьезно. И даже у него сверкнули глаза и он, кажется, был благодарен за упоминание Дракулы.

– Итак, подпишите вот здесь и здесь, – произнес бакалавр, доставая из папки предусмотрительно подготовленный «Договор о споре». – Согласно пункта шестого последней принятой поправки к закону относительно получения денежных средств и материальных ценностей путем...

Брови барона удивленно поползли вверх.

– А я сторонник юридической безупречности, – пояснил Зарецкий. – Я полагаю естественным беспокойство, как бы чего...

– А *нравственной*? – перебил барон, небрежно выводя каллиграфический вензель там, куда указал короткий и толстый палец.

– Помилуйте, – удовлетворенно улыбаясь, отвечал бакалавр, и пухлые ладони его взмыли вверх. – Ведь у меня ученая степень в области юриспруденции, а не... археологии!

– Именно! – вдруг произнес барон, выпрямившись, громко и даже грозно. – Нравственность для вас – это архаизм, атавизм. Ваша душа есть такое же безобразное чудовище, как и это ваше, с позволения сказать, «произведение искусства»! Возможно, вы воображаете, будто бы меня, как и вас, в этом споре интересуют деньги? Узнайте, если вам интересно: нет и еще раз

нет! Но, разумеется, я с удовольствием взыщу с вас выигрыш. Зная, каким наказанием будет для вас расстаться с подобной суммой. *Заслуженным* наказанием, – подчеркнул барон.

– Но, – продолжал фон Гольдбах, глядя на собеседника в упор, – прежде всего, интересует меня, повторю, не это. Меня интересует положить конец вашему отвратительному заработку на нервозности слабых духом! Пресечь ремесло *стервятника*! Я выиграю спор и выбью у вас всю почву из-под ног! Черный ореол вокруг вашего бездарного произведения – ореол, превращающий его в кумир для наивных – сгинет, и после этого вы уже не сможете выигрывать пари вроде того, что сейчас заключили мы!

«Раритет, „истинный ариец“, – думал Зарецкий, слушая барона. – Что на уме, то и на языке. Хорошо. Таким легко овладевают эмоции. К тому же барон из тех, у кого, как это говорят сейчас, *лишний вес*».

И бакалавру вспомнилось вдруг из его собственной рекламной брошюры, расхваливавшей «метод жестокого авангарда»:...*а не одно только прекрасное и возвышенное! Но мало мастеров, достаточно смелых для того, чтобы удовлетворить запросы раскрепощенного подсознания. Иных именуют авангардистами, а между тем за их робкими стилизациями просматриваются все те же архаичные лебеди на пруду, поданные под звуки скрипок. Есть, правда, мужественный мэтр Хагген, уроженец города Кельна. Он, как известно, гастролирует сейчас по Европе с коллекцией препарированных трупов, которым приданы игривые позы. Казалось бы – предел раскрепощенности искусства от сковывающих условностей! Однако гений мэтра Зарецкого идет, может быть, еще дальше!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.